

Ира
ОРЛОВА

ВЕРНУТЬ ЖЕНУ
БЕЗ ПРАВА НА
ПРОЩЕНИЕ?

Ира Орлова

Вернуть жену. Без права на прощение?

<https://litres.ru/74212902>

Аннотация

– Твоему сыну — два, а мы женаты четыре года. Значит, пока я была в подушку, ты уже подсуеллся и позаботился о наследнике, да?

– Я понятия не имел, что Настя беременна, – бросает муж резко.

– О, конечно, как удобно! Ты просто не знал, – я закатываю глаза. – Что ж. Поздравляю. Теперь у тебя есть сын. А жены больше нет.

Узнав, что у мужа есть сын от бывшей, я не стала играть в счастливую семью. Подала на развод, собрала вещи и молча ушла. Ну, или почти молча разбила его любимую тачку. Терапия, знаете ли, бывает разной.

Но спустя годы судьба снова столкнула нас лбами...

Книга выходит в рамках литмоба " Вернуть бывшую жену".
Все книги моба по ссылке:

Содержание

- 1 -	4
- 2 -	6
- 3 -	9
- 4 -	16
- 5 -	21
- 6 -	26
- 7 -	31
- 8 -	39
- 9 -	42
- 10 -	49
- 11 -	54
- 12 -	57
- 13 -	63
- 14 -	68
- 15 -	71
- 16 -	76
- 17 -	80
- 18 -	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Кручу руль, поворачивая на светофоре. Зжимаю телефон плечом, пытаюсь одной рукой управлять машиной, а другой — рыться в сумочке.

– Тим, я не успеваю, спасай! – кричу в трубку, смеясь.

В ответ слышится его смешок, тёплый, с легкой иронией:

– Ну всё, значит, сам выберу цвет кухни.

– Я тебе доверяю... почти, – улыбаюсь, хоть он и не видит. – Но постараюсь успеть до того, как ты погрузишь нашу кухню в бездонную пучину хай-тека.

– Давай, родная, осторожнее, – ласково произносит муж, и от его интонации сердце теплеет.

– Ладно, до встречи, – отключаюсь, бросая телефон на пассажирское сиденье.

Улыбка не сходит с лица. Даже пробки не бесят. И то, что в налоговой пришлось отстоять километровую очередь, воспринимается как мелочь.

Наконец, вырываюсь оттуда и еду в сторону дома, где всю идет наш ремонт — шумный, пыльный, но такой долгожданный.

Телефон пиликает.

Сообщение от мебельной компании:

«К сожалению, наш замерщик задерживается на другом заказе. Сегодня он не успеет. Есть ли возможность перенести

визит на завтра или другой удобный день?»

Я не унываю. Наоборот, вижу в этом возможность.

Набираю Тимура. Все-таки я сорвала его с работы, чтобы он ждал замерщика. Нужно предупредить, что его не будет.

Может, он больше никуда не поедет, и мы сможем провести вечер вместе? Сходим в кино, или просто погуляем в парке.

Гудок идет за гудком. Но Тимур не отвечает.

Паркуюсь и взгляд сразу цепляется за машину мужа. Новенькая «БМВ» Тимура брошена кое-как, прямо под окнами, почти на газоне. Качаю головой.

Поднимаюсь на этаж, достаю ключ, но дверь... дверь не заперта. Странно.

Открываю её, и первое, что бросается в глаза, — это женские туфли, аккуратно поставленные у порога.

Не мои.

Внутри что-то ёкает. Из гостиной доносятся голоса.

Сама не понимая почему, крадусь вперед, как тень, прислушиваясь. Сердце сжимается в болезненный комок.

– Тима, – жалобно говорит женский голос, такой тоненький, почти плачущий. – Прости меня, прости...

В горле пересыхает. Я узнаю ее сразу.

– Насть, ты хоть понимаешь, что ты сделала? – тон мужа резкий. Слишком резкий. Такой, каким он никогда не говорил со мной. – Ты зачем сюда пришла? Могли в моем офисе встретиться, там бы и поговорили! Не хватало, чтобы Алиса узнала.

– Так она все равно же узнает, – растерянно, почти сломленно шепчет Настя.

Бывшая моего мужа.

Я не выдерживаю.

Больше не могу прятаться в коридоре, делая вид, что меня здесь нет.

– Да. Посвятите уже и меня, – говорю громко, привлекая к себе внимание. – С чего бы это моему мужу иметь какие-то дела со своей бывшей?

Настя вздрагивает и оборачивается.

Она стоит вся какая-то... мятая. Бледная, зарёванная, худющая, с ссутулившимися плечами и перепуганным взглядом, будто я сейчас брошусь на неё.

Если честно, сейчас я могла бы.

Тимур стискивает челюсти. Сквозь зубы тихо и насыщен-

но матерится.

– Лисёнок, я тебе всё объясню, – он изо всех сил пытается быть спокойным. – Провожу Настю, и мы всё обсудим.

С этими словами он хватается её под локоть и ведёт в коридор.

Настя заторможенно переставляет ногами, её взгляд мечется между нами.

– Тимочка... – лепечет Настя, и от этого тошнотворного «Тимочка» меня аж коробит. – Ты только не бросай нас... Нам без тебя никак...

Нас?

– Что вообще происходит? – уже не выдерживаю.

– Ничего! – огрызается Тимур. – Ей к врачу надо.

– Не надо! – вскрикивает Настя, вырываясь из его хватки.

– Нашему сыну отец нужен!

– Какому сыну? – хмыкаю я, ирония сочится из каждого слова. В голове звенит.

Настя вытирает слёзы рукавом и, глядя мне прямо в глаза, выдает с самым мерзким выражением искренней бедняжки:

– Нашему с Тимочкой...

Опять это "Тимочка"... Противное, сладкое, липкое, как патока.

– Насколько я помню, в момент вашего расставания детей у вас не было, – произношу холодно.

Настя кивает.

– Не было. А сейчас есть. Сын. Ему два года.

Я смотрю на Тимура. Смеюсь. Громко. Видимо, его бывшая реально головой поехала. Такой бред! Но... он не смеётся.

Стоит темнее тучи, хмурый, взгляд отводит.

Его молчание — самый страшный приговор.

– Зашибись, – выдыхаю я, медленно присаживаясь на маленький диванчик в коридоре. Ноги вдруг отказываются держать. Мир вокруг качается. – Ну, продолжайте. Удивляйте.

Простая арифметика. Если его сыну — два. В браке мы — четыре. Где-то в этой цепочке событий явная не состыковка, и она грозит разорвать мою жизнь в клочья.

У Тимура, похоже, сдает терпение. Он резко хватает Настю под локоть и буквально выталкивает ее в коридор, подальше с моих глаз.

– Сейчас я приду, и мы все обсудим, – бросает он мне сквозь зубы, а затем захлопывает входную дверь с таким грохотом, что стены дрожат.

Я смотрю на дверь отсутствующим взглядом. Слова Насти крутятся в голове, лишая меня способности мыслить связно.

Через секунду я встаю и подхожу к окну. Вижу, как из подъезда выходят «голубки».

Тимур что-то зло выговаривает ей, так что вены на его шее пульсируют. Он явно в ярости.

Настя кивает понуро, всхлипывает, а потом, разрыдавшись, что-то говорит ему. Тимур замирает.

В этот момент она обнимает его, просто виснет на шее моего мужа.

И он... он гладит ее по спине и что-то, видимо, успокаивающее говорит.

Наверное, «всё будет хорошо», или «успокойся». Или «не сейчас, Алиса в квартире».

Мой муж утешает свою бывшую, которая только что заявила, что у них общий двухлетний сын.

Это. Последняя. Капля.

Я оборачиваюсь, резко, как на охоте. Снаряд. Мне нужен снаряд.

Нет, кидать собираюсь не в них. Сидеть я не хочу, но настраивание испортить им просто необходимо.

Глаза цепляются за банку краски. Цвет — ванильный крем. «Символ домашнего уюта». Вот эти ванильные сопли им сейчас будут в самый раз.

Я подхожу к окну. Распахиваю его. Поднимаю банку. Вдох. Выдох.

И со всей силы швыряю ее на машину мужа.

Банка летит по идеальной дуге.

Плавно. Торжественно. Как приговор.

Приземляется точно на крышу новенького автомобиля. Ба-бах.

Она делает огромную вмятину в крыше новенького авто, трескается и растекается лужей по стеклу, капоту, дверям. Брызги летят во все стороны, даже на «голубков».

– ААААА! – визжит Настя, отскакивая как ошпаренная.

– Блядь! – орёт Тимур, запрокидывая голову.

Я отхожу от окна. Захлопываю его, отрезая себя от их разборок снаружи.

Иду на кухню. Каждый шаг тяжелый, будто я бреду через вязкую трясиину. В голове звенящая пустота, оглушаю-

щая своей немотой после только что пережитого.

Ставлю чайник. Привычные движения помогают не сойти с ума, не потерять связь с реальностью. Руки дрожат, когда открываю пакетик с ромашкой. Мне нужно много ромашки...

Потому что разговор будет долгим.

И очень, очень болезненным. Я знаю это. Чувствую это каждой клеточкой своего тела, которое сейчас кажется чужим и одревеневшим.

И я приказываю себе: не смей плакать, не смей рвать себе душу. Это всего лишь мужик. Так бывает.

Только вот... почему же так плохо? Почему внутри меня все кричит от боли, словно вырвали что-то живое, самое важное? Почему, когда Тимур наконец зайдет в эту дверь, мне будет казаться, что я смотрю не на того, кого любила, а на чужого, незнакомого человека? И как мне теперь жить без него?...

Дорогие читатели!

Если эта история тронула ваше сердце, заставила сопереживать Алисе и ее непростой судьбе, пожалуйста, не проходите мимо.

Ваши "лайки" и добавление книги в библиотеку — это не просто цифры.

Для меня это бесценный источник вдохновения, подтверждение того, что я иду в правильном направлении. Это не только улучшает вашу личную карму чи-

тателя, но и значительно помогает продвижению книги на сайте.

**Как и обещала продолжение. Вы самые лучшие!
Спасибо огромное за такую поддержку ##**

Чайник щёлкает.

Я медленно выдыхаю, наливаю кипяток в кружку, бросаю туда ромашку. Смотрю, как тонкая струйка пара поднимается вверх, в пустоту.

И тут же, без какого-либо разрешения, память затягивает меня назад. Неумолимо. Беспощадно.

Почти на три года назад.

В самую боль. От которой, как я думала, мы уже оправились. Как я надеялась. Верила, что мы пережили это вместе, стали только сильнее...

... я почти не могла дышать от боли. Она приходила волнами, накатывала, забирала весь кислород из легких, оставляя лишь судорожные, прерывистые вдохи.

Внизу живота будто ножом резали, каждым движением выкручивая внутренности. Мир расплывался, превращаясь в цветные пятна за стеклом машины.

Прижимала руки к животу, изо всех сил пытаюсь не закричать на весь салон. Зубы были стиснуты так сильно, что челюсти сводило.

– Держись, Лисёнок, держись, я рядом, – прохрипел с тревогой в голосе Тимур.

Он гнал машину, игнорируя светофоры, правила, весь мир вокруг, лишь бы довезти меня, спасти...

Машина резко затормозила у приёмного покоя, ещё до полной остановки муж выскочил наружу. Обежал капот с какой-то невероятной, нечеловеческой скоростью, рывком распахнул мою дверь и взял меня на руки.

Тим держал меня так, словно я была хрупкой, стеклянной. Самым драгоценным на земле, и одно неверное движение могло разбить меня.

– Помогите! Она беременна! Ей плохо! – кричал он, врываясь в стерильный, холодный холл больницы. – Где врач?! Нужна помощь!

Я всхлипнула. От боли, которая снова накатила, скручивая меня в узел. От страха, липкого и всеобъемлющего, что заполнил каждую клеточку.

– Тим... больно... – прошептала я, уткнувшись ему в плечо.

Он посмотрел на меня такими глазами...

Это был взгляд настоящего льва, которого загнали в угол, который был готов перегрызть глотки любому, кто осмелился бы встать на его пути.

Я была уверена, если бы к нам сразу не подбежали, он сам пошел бы крушить эту больницу в поисках хоть кого-то, кто смог бы помочь мне.

– Да где этот чертов врач?! – рявкнул Тимур.

И его слышали.

К нам подлетели две медсестры с каталкой, а следом, поправляя очки, подошёл пожилой мужчина в белом халате, с усталым лицом, на котором, казалось, отпечатались все беды мира.

– Положите её уже, – недовольно сказал он. – Нам нужно срочно в смотровую.

Но Тимур не спешил. Наоборот прижал меня к себе еще крепче.

– Вы только осторожно... ей очень больно... – голос его превратился в хриплый шепот.

– Так вы уже положите пациентку на каталку или нет? – настаивал доктор, его тон становился все более раздраженным. – Вы мешаете осмотру.

Хмурый и недовольный Тимур осторожно опустил меня на каталку.

– Можно я останусь? – спросил он, резко повернувшись к врачу. – Мне надо остаться. Я буду тихо. Просто рядом.

– Нет, – коротко отрезал врач, не поднимая на него взгляда. – И без вас справимся.

Каталка уезжала, увозя меня прочь, а он стоял, такой мощный и большой и такой потерянный.

А потом была тишина.

Стерильная, давящая. Белый потолок, бесконечный и безразличный. Звон капельницы, ритмичный и монотонный, отсчитывающий каждую секунду уходящей надежды. Врач с пустыми глазами и фразой, которая навсегда врезалась в па-

МЯТЬ:

– Мы сделали всё возможное.

Мы потеряли малыша.

Нашего малыша.

А вместе с ним — кусок нас. Кусок души, которая так стремилась стать семьей, целой.

Я рыдала в голос, а он в душе. Молча. Глубоко. До хрипоты в горле и сжатых зубов.

Его пальцы подрагивали, когда он гладил меня по волосам. Сидел на краешке больничной койки, ссутулившись, как будто пытался стать меньше, чтобы не занимать лишнего воздуха в этой безжизненной палате.

И это было... в тысячу раз страшнее, чем мои слёзы.

Тогда я была уверена: он мой. Он никогда не предаст. Не уйдёт. Не солжёт.

Я верила в нас. В него. В то, что мы — одно целое, нерушимое никакими бедами. И эта вера была самой сильной...

Зажмуриваю глаза возвращаясь.

И в этот момент хлопает входная дверь. Он вернулся.

Тимур врывается на кухню, как буря.

Глаза пылают, губы сжаты в тонкую линию, пыхтит, как разъяренный бык.

Но столько от злости, или быстрого бега по лестнице, а от того, что я только что превратила его драгоценную «БМВ» в произведение абстрактного искусства.

В общем, как и его самого.

Бежевая краска, густая и липкая, хаотичными пятнами разбрызгана по его брендовому пиджаку. Несколько капель даже подсохли у него в волосах. Да и запах от него соответствующий начинает распространяться по кухне.

– Алиса! – рычит он. – Это была новая машина! Новая, чёрт возьми!

Муж кивает в сторону окна, будто там, как минимум, тело.

Я поворачиваюсь к нему, не торопясь. Взгляд спокойный.

– Ти-мо-чка, – медленно произношу, выделяя каждый слог с ядом. – Мои нервы стоят дороже, чем твоя бездушная железка.

Он стискивает пальцами переносицу, словно может преграстить весь этот ад через точечный массаж. Пытается не сорваться. Напрасно, дорогой.

– И что, скажи на милость, я должна была делать, а? – делаю шаг к нему. – Стоять в окне и аплодировать, глядя,

как ты обнимаешь свою бывшую, которая обильно орошает своими слезами и соплями твою шею?

– Это просто был эмоциональный момент, – выдыхает он, чуть тише. Как будто сам с трудом верит, что это звучит нормально. – Я сам в шоке от ее появления. Не думал, что она... всплывет. Вот так.

– Эмоциональный? Да ты, блин, хоронил кого-то что ли? – не могу не усмехнуться. – Хотя, знаешь, слово «всплыла» идеально подходит. Прямо снизу вверх, неожиданно и воняет.

Тим морщится. Отводит взгляд, его губы сжимаются еще сильнее.

– Алиса, это не...

– Не то, что я думаю? – перебиваю. – Конечно. Значит, пока я выла в подушку, ты уже подсуелился и позаботился о наследнике, да? – меня трясёт от злости, голос срывается, но я не даю себе остановиться. – Гениальный тайминг, браво.

– Я понятия не имел, что Настя беременна, – бросает муж резко. – Она исчезла, Алиса. Просто пропала. Без объяснений. Я думал, всё, она больше не появится.

– О, конечно, как удобно! Ты просто не знал, – я закрываю глаза, и горькая ирония в моём голосе почти обжигает. – А она, такая заботливая, самоотверженно молчала. Прямо мать Тереза нашего времени.

Брови Тимура сходятся у переносицы. Не по душе ему мои слова.

– Не делай из меня уроды, – выдыхает тяжело. – Всё было не так.

– Нет, Тимур! – срываюсь на крик. – Ты мне изменил. Она родила. Ты молчал. Всё очень даже "так". И молчал бы дальше, если бы она не явилась. Ну, расскажи теперь. Сколько раз ты с ней встречался за моей спиной? Сколько раз врал, что задерживаешься, а сам бежал к своему новенькому "семеиству"?

Муж резко бросает:

– Один. Раз.

И сам же гасит свой тон, словно понял, что только подлил масла.

– Один раз я виделся с ней за твоей спиной. Она написала сама. Я не мог просто отвернуться. Но я не знал, что у неё родился ребёнок. Что у меня... сын. Ни черта не знал. До того дня.

Я не слушаю. Или притворяюсь, что не слушаю. Каждый его довод, каждая попытка оправдаться кажутся мне лишь новым слоем лжи, которая погребает под собой остатки нашей жизни. Я уже почти сказала всё, что хотела.

– Что ж, – произношу с горечью. – Поздравляю. Теперь у тебя есть сын. А жены больше нет.

Я делаю шаг в сторону, чтобы обойти его, чтобы просто выйти из этой кухни, из этой квартиры. Но он не дает мне уйти.

Прет на меня как танк, и я непроизвольно отступаю, пока

спиной не упираюсь в край столешницы. Он ставит руки по бокам, будто строит рубеж, через который не даст мне сбежать.

Лицо Тимура совсем близко, он нависает. Смотрит прямо в глаза. Дыхание его обжигает мое лицо, и я чувствую запах краски, смешанный с его парфюмом, который сейчас кажется отвратительным.

– Лиса, подожди, – говорит тихо, почти шёпотом, но в голове что-то такое, что заставляет замереть. – Я знаю, ты сейчас хочешь хлопнуть дверью и стереть меня из памяти. Я чувствую, как ты злишься, как всё внутри тебя кричит “уйди”.

Он на секунду сжимает челюсть.

– Но, чёрт, дай мне хоть пару минут. Не чтобы оправдаться — чтобы быть честным. Я не святой, я всё знаю. Но ты... Ты самое дорогое, что у меня есть. И я не отпущу тебя вот так. Хочешь — вымести злость: добей машину, кричи, но не уходи, пока не дашь мне шанс объяснить. Может, ты сможешь меня понять.

Я смотрю ему в глаза. Не моргая. А в голове у меня, как мантра, звучит только одно. Тихо. Ровно. Без истерики. Но с такой точностью, будто вырезано лезвием:

«Ты вычеркнул меня из своей жизни тогда. А теперь просто смились с тем, что я вычёркиваю тебя из своей».

Милые дамы, а в нашем мобе мы приготовили для вас много интересных и эмоциональных историй.

Эта вас точно не оставит равнодушными!
<https://litnet.com/shrt/PmtK>

Два года спустя

Толпа гудит, как улей. Чужие голоса, запахи фастфуда, мигающие витрины, музыка из каждой второй двери. Я иду по центральному коридору торгового центра, стараясь ни в кого не врезаться.

Каблуки цокают по блестящему мрамору, сумка слегка бьётся о бедро, в руках я сжимаю папку. Кто только придумал открывать выставочный зал в торговом центре?!

И вдруг я вижу его.

Он стоит у фонтана, один. Большие, полные слез глаза мечутся по толпе, будто ищут кого-то, но находят только чужие лица. Сердце у меня сжимается. Остро, почти больно.

Я оглядываюсь, ища взрослого, который должен быть рядом, но вокруг только спешащие покупатели, занятые своими делами.

Мальчишка, лет пяти на вид, всхлипывает, и этот звук, тихий, но такой пронзительный, тянет меня к нему, как магнитом.

Я приседаю на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и мягко спрашиваю:

– Привет, ты здесь один?

Он смотрит на меня, губы дрожат, и я вижу, как он борется с желанием расплакаться. Мальчонка активно мотает

головой.

– С папой... Но я его потерял.

Внутри меня тут же вскипает волна раздражения, переходящая в гнев. С папой? И где этот горе-папаша?! Как можно оставить такого малыша одного в таком людном месте?

– Не бойся, – мягко говорю я, протягивая руку, в которую он тут же вцепляется своей крошечной ладошкой. Его пальчики ледяные. – Сейчас мы найдем твоего папу, хорошо?

Он нерешительно кивает и мы идём к стойке информации, которая находится в центре атриума, под огромным стеклянным куполом. Здесь всегдалюдно, но я знаю это место как свои пять пальцев. Работаю в одном из офисов на верхнем этаже, и такие ситуации, как эта, для меня не редкость.

У стойки меня встречает Марина. На лице ее появляется понимающая улыбка, смешанная с сочувствием.

– Опять? – скорее утверждение, чем вопрос, вылетает из ее уст.

Я киваю, тяжело вздыхая.

– Ага. Можешь объявление дать? Потерялся ребенок.

Марина тут же тянется к микрофону, привычно открывая нужную программу. Мы уже не раз проделывали эту процедуру. Слишком часто, если честно.

– Как тебя зовут, солнышко? – спрашиваю я мальчика, слегка поглаживая его по голове.

– Богдан, – бормочет он.

– Очень приятно. Я — Алиса, а это Марина. Сколько тебе лет, Богдан? И как зовут твоего папу?

Он поднимает на меня глаза, такие ясные, несмотря на слёзы, и говорит:

– Мне четыре... Почти пять. А папу зовут Тимур.

Мое сердце сжимается. Резко, больно, сбивая дыхание. Тимур. Неужели это он? Нет, не может быть.

Кровь отливает от лица, а в висках начинает пульсировать. Сколько Тимуров в этом городе? Сотни, тысячи. Я гоню от себя эти мысли. Это не он. Просто совпадение.

– Хорошо, Богдан, – улыбаюсь ему. – Сейчас Марина расскажет всем громко, что ты здесь и папа за тобой обязательно придет.

Марина кивает и начинает говорить в микрофон, её голос разносится по всему центру, спокойный и чёткий.

Проходит минут пять. Богдан озирается по сторонам, то и дело встаёт на цыпочки, пытаясь разглядеть кого-то в толпе, но папа всё не идёт.

Где же этот папа? Неужели он не слышал объявление? Или ему просто плевать? Злость снова поднимается во мне, но я стараюсь не показывать ее мальчику.

Странно. За все время работы здесь, я видела сотни потерянных детей. И каждый раз это было одинаково: быстрый поиск родителей, облегчение, когда они находятся, и все.

Но с этим мальчиком все иначе. В нем есть что-то такое, что цепляет. Его испуганные глаза, его крошечная рука в мо-

ей. Все это вызывает во мне странное, почти материнское чувство.

– Знаешь что? – говорю я, приседая снова. – А давай пока папу ждем, съедим по мороженому? Как тебе идея?

Его глаза тут же загораются, и на лице появляется первая за долгое время улыбка.

– Мороженое? – переспрашивает он радостно.

– Ага! – подтверждаю я. – Самое вкусное!

Поворачиваюсь к Марине, которая уже собирается дать повторное объявление.

– Марин, скорректируй, пожалуйста. Мальчик Богдан ожидает папу в кафе-мороженом «Сладкий Мир», у центрального входа.

Она кивает, улыбаясь Богдану.

– Поняла. Идите, я сейчас все сделаю.

Мы направляемся к кафе, и Богдан уже не всхлипывает, а почти подпрыгивает от предвкушения.

В «Сладком Мире» не так многолюдно, и мы быстро делаем заказ: ему — шоколадный рожок, мне — латте.

Садимся за столик у окна, и я наблюдаю, как он с упоением ест свою порцию, забыв обо всем на свете.

Я отпиваю свой кофе, наслаждаясь моментом относительного спокойствия. И тут, прямо за моей спиной, раздается до боли знакомый, раздраженный голос:

– Бодя, твою дивизию, я сказал от меня ни на шаг! Я что, должен по всему центру за тобой бегать?!

Еще одна сложная, эмоциональная история.

"Вернуть жену любой ценой"

Анна Гранина, Яна Мосар

<https://litnet.com/shrt/PdKx>

Почему нельзя, как в детстве, просто зажмуриться крепко-крепко, до боли в веках, и исчезнуть? Представить, что тебя нет. Что ты воздух, тень, прозрачная пыль. Что никто тебя не видит. Что не придётся смотреть в глаза своему прошлому.

Особенно, если это прошлое смотрит на тебя глазами ребёнка, которого родила другая женщина. Ребёнка, у которого лицо Тимура, взгляд Тимура, голос Тимура. Да, теперь я замечаю это сходство.

Маленькое, живое напоминание о том, как легко я оказалась заменена, будто сломанная деталь в механизме его жизни.

Я не двигаюсь. Пытаюсь стать невидимой настолько, насколько возможно. Но Богдан уже виновато опускает голову и, шмыгнув носом, тихо говорит:

– Прости, пап...

«Пап». Это слово вонзается в сознание, как заноза, заставляя скрипеть зубами от бессильной злости. Значит, они живут с Настей вместе? Или, как минимум, воспитывают ребёнка сообща? Полноценная семья. Ну, да. А как я думала?

Что он до сих пор кусает по мне локти, запершись в своей холостяцкой берлоге? Наивная дурочка! У ребёнка же должен быть отец. Кто-то же должен водить его в сад, лечить

сопли, искать по этажам, когда тот сбежал...

– Мы договаривались, Бодя, – не унимается Тимур, раздражённо отчитывая мальчишку. – Я отвлёкся всего на пару минут! Думаешь, мне весело бегать за тобой по торговому центру, как идиоту?..

И тут бывший замечает меня.

Сбивается на полуслове, смотрит с недоумением, будто не верит, что это действительно я, а не фантом из головы.

– Лисён... Алиса?

"Лисёнок".

Почти забытый, до боли интимный обрывок из нашей прошлой, счастливой жизни. Это имя, которое в его устах всегда звучало мягче, чем все остальные слова, предназначенные для мира.

И теперь он произносит его, стоя рядом со своим сыном от другой женщины. Какая ирония, просто театр абсурда. Я не отвечаю сразу. Пытаюсь собрать себя из мельчайших осколков, из которых состоит моё разбитое спокойствие.

Поднимаю взгляд, стараясь держаться ровно, спокойно. Холодно. Чтобы ни одна эмоция, ни одно воспоминание не просочилось сквозь эту защитную маску.

– Привет, – говорю просто, сдержанно, глядя прямо в его глаза. – Нашла его в центре зала. Он был один.

«Ваш с Настей сын,» – добавляю мысленно с усмешкой.

Тимур медленно кивает, его взгляд блуждает, будто ищет точку опоры, но не находит. Он проводит ладонью по своим

темным волосам, словно не знает, куда деть руки, и взгляд у него странный. Растерянный какой-то, непривычный для него, всегда такого уверенного.

– Спасибо тебе... за мороженое, – кивает он на Богдана, который с виноватым видом доедает уже почти растаявший десерт.

Бывший достаёт бумажник, суетливо, почти нервно, вытаскивает купюру, значительно превышающую стоимость мороженого, и протягивает мне.

– Не надо, – отрываюсь резко, отшатываясь, будто от огня.

Мне претит брать от него деньги, особенно сейчас. Деньги за то, что я работала нянечкой для его сына? Нет уж, увольте.

– Надо, – отрезает Тимур безапелляционно. – Женщина не должна платить за мужчину. Даже если ему четыре.

Горькая усмешка касается моих губ. Вот он, весь Тимур. Этот стержень, эти принципы, эта щедрость, граничащая с упрямством, — все это когда-то и покорило меня. И не только меня...

На секунду мы оба замолкаем.

Его взгляд падает на папку для рисунков, лежащую на столике рядом с моим кофе. Брови его слегка приподнимаются, и он спрашивает, почти с ностальгией:

– Ты всё ещё рисуешь?

– Немного, – отвечаю я скомкано, не глядя на него. – Просто... для себя.

Он хочет что-то сказать ещё. Я чувствую это. Но не даю

ему шанса.

Резко поднимаюсь и хватаю сумку. Здесь становится невыносимо.

Слишком тесно. Слишком много боли в одном пространстве, чтобы продолжать дышать. Это не просто кафе, это поле боя, где схлестнулись прошлое и настоящее, и я чувствую, как начинаю проигрывать.

– Мне пора, – бросаю я, почти не оборачиваясь, мой голос звучит сухо и отстраненно, хотя внутри все горит.

И ухожу. Быстро, почти бегом, растворяясь в плотной толпе, которая, кажется, с радостью поглощает меня. Я слышу, как позади Богдан зовет меня, его тоненький детский голос пронзает шум и гам торгового центра:

– Тётя Алиса, спасибо!..

Но я уже в потоке людей. Не оглядываюсь. Просто не могу. Моя жизнь давно не о нём, не о нас, не о том, чего уже не вернуть.

Я бешусь на себя за то, что спустя два года он всё ещё способен выводить меня из равновесия одним своим появлением, взглядом, голосом. Что до сих пор я, как дурочка, прокручиваю в голове «а что если бы» и «почему именно так».

Он ведь не просто ушёл — он прошёлся по мне катком, растоптал всё самое нежное и важное, разрушил семью, о которой я так мечтала, украл мою веру в «навсегда».

Когда-нибудь же я перестану это чувствовать? Когда-нибудь ведь настанет день, когда мне стане все равно и обида

отступит?

Наверное, да. Но точно не сегодня.

Милые дамы, у нас пополнение в мобе!

"Вернуть жену. Даже не пытайся"

Чарли Ви

<https://litnet.com/shrt/PDC5>

Сию на кухне, бессмысленно кручу в руках остывшую кружку с чаем и смотрю в одну точку.

Входная дверь хлопает. Через пару секунд в кухню влетает Света — моя подруга, голос разума и одновременно внутренняя ведьма, отвечающая за цинизм, сарказм и удержание меня от спонтанных решений вроде «написать бывшему».

Её сумка с грохотом падает на пол, и она, не тратя времени на приветствия, плюхается на стул напротив меня.

– Ну, что у тебя за морда лица? – бросает она, прищурившись. – Надеюсь, это просто ПМС?

Фыркаю, чуть усмехаясь, но не поднимаю глаз.

– Я видела Тимура. С его сыном. От Насти.

Света приподнимает бровь, откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди.

– Ох, ну это классика жанра, подруга. Такая встреча должна была состояться рано или поздно. Конечно, было бы шикарно, если бы это случилось где-то возле шикарного ресторана. Подъезжает спортивная «Феррари», из неё выходит охренительный альфа-самец, распахивает тебе дверь, и выплываешь ты, в красном платье, с разрезом до трусов, а мимо вас проходит, открыв рот, задолбанный жизнью, бытом и орущим дитем Тимур. Настя ревет, сын в соплях, и он смотрит на тебя и понимает, что просрал такое счастье... Но. По

статистике почему-то всё с точностью до наоборот получается. Так что рассказывай, как это было.

Невольно улыбаюсь, представляя нарисованную подругой картину. Ну да, моя реальность куда прозаичнее и болезненнее.

Пересказываю ей всё: как нашла Богдана у фонтана, как Тимур назвал меня «Лисёнок», будто не было этих двух лет разлуки, будто он не предал меня.

Подруга слушает, не перебивая, лишь изредка хмыкает и качает головой.

– Понимаешь, Свет, – вздыхаю я тяжело, – вроде два года прошло. А сегодня смотрю на этого мальчика и вижу Тимура. Как будто судьба снова и снова тычет меня лицом в то, чего у меня никогда с ним не будет. Семьи, ребёнка... Всё это теперь у него, но не со мной.

Света фыркает, закатывая глаза.

– Алиса, ты серьёзно? Да пойми ты уже наконец: любви не существует. Вот вообще. Это маркетинг, женские иллюзии и мужская манипуляция в одной красивой упаковке. Мужики стараются ровно до тех пор, пока им что-то от тебя нужно: секс, уют, дети, статус, да хоть борщ на столе. Получил желаемое? Ну всё, котёнок, спасибо, было приятно пообщаться, пойду-ка дальше искать, кто помоложе, посвежее и, желательно, без требований. А мы, дуры, потом сидим и рвём себе душу, потому что поверили в сказки про «навсегда».

– Свет, ну перестань, – я морщусь, – не все такие...

Она усмехается ещё шире:

– Ага, не все. Кто-то просто лучше притворяется. Ты посмотри вокруг: ты тратишь свои лучшие годы на отношения, строишь планы, растишь в голове образ идеальной семьи, а потом бац! — и он уже с бывшей или будущей бывшей растит наследника. А ты одна, с разбитым сердцем и кучей комплексов.

– Спасибо, Свет, очень ободрила, – говорю саркастично, глядя на неё с лёгкой укоризной.

– Да пожалуйста, дорогая, – она пожимает плечами. – На твоём месте я бы давно купила себе хороший вибратор и жила счастливо, не зная всех этих драм. И ни одна бывшая не постучится в твою дверь с двухлетним «приветиком». Да и мозги целее.

Я хмыкаю, невольно улыбаясь:

– Ну да, так себе картинка, конечно. Он такой еще правильный, такой заботливый папочка, за мороженое даже расплатиться хотел, видите ли «женщина не должна платить за мужчину».

Светка закатывает глаза ещё сильнее и с видом психолога начинает:

– Вот, типичный случай. «Рыцарь». В кавычках. Который прекрасно знает, какие кнопки нажимать, чтобы женщина дрогнула, пустила скупую слезу и подумала: «Ну не такой уж он и плохой... может, всё ещё можно как-то...». Поверь мне, Алиса, бывшие и дети — это вообще отдельный вид

эмоциональной пытки, придуманной вселенной специально, чтобы регулярно напоминать тебе о твоих провалах.

Она наклоняется вперёд, щурится:

– Они, эти бывшие, всегда выныривают в самый неподходящий момент. Когда ты вроде начала дышать. Начала привыкать к себе новой. И тут — бах! Он. С сыном. От другой. Не любовь это. Привычка. Или отголосок. Или просто удобство. А может, и ничего. А ты потом сидишь и копаешься в этом.

Я фыркаю, а потом вздыхаю. Глубоко. Потому что она права.

– А про вибратор я тебе серьёзно говорю, – добавляет она, опуская голос до доверительного. – Купи. Надёжный, не врёт, не изменяет и, что особенно важно, не воспитывает чужих детей.

– Света! – я всё-таки смеюсь.

– Что? – пожимает она плечами, изображая ангела с рогами. – Это правда! Люди сложные. Люди ранят. Особенно те, кого ты впустила глубже остальных. Мужчины вообще часто не умеют жить с болью. Им проще сбежать. К новой женщине. В работу. Да, короче, в любую активность, где можно не думать.

Она замолкает. Смотрит прямо на меня.

– Но ты не в чем не виновата. Ты любила и была собой. Просто он не справился. Он сделал выбор. Это не значит, что ты хуже. Это значит только одно: ты не его история. И

вам не по пути.

И за всей этой бравадой, подколами про вибраторы, я всё равно вижу её — настоящую Свету. Ту, которая не всегда была такой.

Когда-то она верила в любовь, как в религию. Мечтала о семье, о детях, об уютной кухне. Сейчас сложно поверить, Светлана была той, кто плакала над сентиментальными фильмами, хранила билеты из кино и писала записки на зеркале губной помадой. Она была мягкой. Настоящей. Раннимой до невозможности.

Пока не пришла реальность.

Пока её любимый мужчина не лёг в постель с её родной сестрой. С той самой, с которой они в детстве ели из одной тарелки, делились одеждой и мечтами.

После этого в Свете что-то сломалось. Она не кричала и не рыдала. Прередила родственнице волосы и исчезла на месяц, выключив телефон. И когда она вернулась — в ней уже не было той прежней нежности. Только острые когти сарказма, стальной смех и убеждение, что «все мужики одинаковые».

Это не было озлоблением. Это была броня. Панцирь, в котором она спряталась, чтобы выжить. Потому что когда тебе дважды ломают сердце за один раз — по линии любви и по линии крови — ты либо ломаешься, либо становишься железом.

Света выбрала второе. И я её понимаю.

Иногда мне кажется, что именно поэтому мы до сих пор

держимся друг за друга. Потому что за всем этим шумом, фразами про бегство мужчин и жизненный минимализм, мы знаем, кто на самом деле сидит по ту сторону стола.

Не циник. Не ярая феминистка.

А женщина, которая когда-то очень сильно любила. И которая просто решила больше не давать себя в обиду.

И именно это делает её такой сильной. И такой мне родной.

– Ладно, – выдыхает Света, опуская плечи. – Чего мы этих бывших обсуждаем? Недельного им поноса.

Она резко хлопает ладонью по столу, как будто прогоняет тень, нависшую между нами. Взгляд становится собранным, голос — деловым, будто переключатель щёлкнул. Это она умеет мастерски.

– Лучше давай, рассказывай. Как мама? Что говорят врачи?

Я сглатываю, ставлю кружку на стол. Темы про чувства — одно, но когда речь заходит о семье, становится еще сложнее.

– Врачи... говорят, надо оперировать. Больше нельзя тянуть, опухоль слишком близко к сосуду. Есть шанс, хороший, но время уходит. Я нашла хирурга, наконец-то нормального, с руками, а не с дипломом в рамке.

– И?..

– И подвернулся заказ. Большой. Если завтра не сорвётся, заказчик обещал предоплату. И если всё пройдет гладко, у меня на руках будет необходимая сумма.

Света смотрит на меня, внимательно. Без лишних слов подходит, обнимает. Прижимает свой лоб к моему, и её тепло просачивается сквозь мою броню, обжигая.

– Всё получится, Алиска. Слышишь? Получится. Потому что ты — та, кто тащит. Кто рвёт и прёт вперёд, несмотря ни на что. Ты всегда такой была. И я буду рядом с тобой. Всегда. Даже если ты однажды окончательно слетишь с катушек, купишь мотоцикл и уедешь в Черногорию с каким-нибудь баристой — я тебя пойму. Или даже присоединюсь.

Я хмыкаю сквозь слёзы на глазах. Бариста... в Черногорию. Идея кажется настолько абсурдной, что вызывает болезненный смешок.

– Бариста, говоришь? Может, лучше с юристом по бракоразводным делам? Чтоб сразу с опытом. И с прецедентами.

Света кивает, её глаза сверкают, и я вижу, как в ней просыпается её любимый внутренний циник-стратег.

– Супер! А потом вместе составите брачный контракт, где чёрным по белому пропишете: «в случае измены — бывший получает тапком по лицу, желательно с металлическим набойником». И не забудь графу «имущественный раздел»: тебе — квартиру, машину и собаку. Ему — зубную щётку. А в конце, чтобы уж наверняка, жирным шрифтом: «все спорные вопросы решаются в пользу женщины. Потому что она уже достаточно пострадала, и её нервы стоят дороже любого твоего, козел, имущества».

И мы смеёмся. Смех получается надрывным, с привкусом

слёз, но он прорывается, выталкивая из меня часть той хандры, что накопилась внутри.

Это не от веселья, а от облегчения. От того, что рядом есть кто-то, кто понимает, кто не осудит, кто даст мне возможность быть слабой и злой, а потом поможет снова собрать себя по кусочкам.

"Вернуть жену. Снова будешь моей"

Зоя Астэр

<https://litnet.com/shrt/PByp>

Мне нужна эта работа. Отчаянно.

Сидя в своей старенькой «Хонде» напротив новенького, современного таунхауса, я чувствую, как каждый нерв натянут до предела. Это мой единственный шанс.

Глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. Беру сумку, крепче сжимаю папку с эскизами, и, нацепив на лицо самую уверенную улыбку, выхожу из машины.

Звоню в ворота, и через несколько секунд калитка щёлкает, открываясь. На пороге меня встречает ухоженная брюнетка, лет тридцати пяти. Она осматривает меня внимательным, оценивающим взглядом, а затем мягко улыбается.

– Алиса? – уточняет она. – Я Ксения. Проходите, пожалуйста.

Я киваю, следуя за ней в дом. Внутри пахнет дорогим парфюмом. Ксения ведёт меня наверх, в большую спальню с огромной кроватью и панорамными окнами. Она указывает на пустую стену напротив кровати.

– Вот эта стена.

Вновь киваю. Просторная, ровная, свежеевыкрашенная в беж. Идеальный холст.

– Я видела примерный стиль того, что вы хотели, – говорю, открывая папку. – Но для точной работы мне нужно конкретное техническое задание. Цвета, элементы, пропор-

ции...

– Я вас поняла, – отзывается она. – Сегодня же все вам скину. И если там будет что-то сложное, просто пересчитайте стоимость. Это не проблема.

– Конечно.

Достаю заготовленный договор.

– Тогда я впишу предварительную сумму. Предоплата — пятьдесят процентов.

Она молча берёт ручку, быстро пробегает глазами договор.

– Да. Меня всё устраивает. Деньги переведу сегодня. С завтрашнего дня можете приступать.

Я еле скрываю радость, которая волной захлестывает меня. Это не просто работа, это спасательный круг. Попрошавшись, я почти вылетаю из дома, чувствуя, как адреналин бурлит в крови. Сажусь в машину, захлопываю дверцу, и в ту же секунду на телефон приходит СМС: уведомление о поступлении аванса.

Не теряя ни минуты, достаю из бардачка листок с реквизитами. Пальцы торопливо набирают цифры, переводя деньги на нужный счет. Я бы никогда не потратила деньги за работу, которую еще не сделала, но сейчас такая ситуация. Нажимаю «Оплатить» и только тогда, с глубоким выдохом, откидываюсь на сиденье.

Завожу двигатель и с широкой улыбкой отъезжаю от новенького таунхауса. Я сделала это. Я получила заказ, и всё

будет хорошо. Машина плавно трогается с места, и в этот момент телефон вибрирует снова. Новое сообщение. Задание от Ксении.

Я открываю его, ожидая увидеть описание стиля, референсы, может, пару ссылок на Pinterest. Но вместо этого на экране появляется фотография.

Улыбка медленно сползает с моего лица. Картинка, которую я вижу на экране телефона, начинает расплываться от непрошенных слез.

Как она оказалась у Ксении? Почему? Я моргаю, пытаюсь прогнать слёзы, но они всё равно катятся по щекам, оставляя горячие дорожки. Прошное снова догнало меня, и на этот раз я не знаю, как от него убежать.

"Вернуть жену. Развод - не приговор"

Дана Денисова, Алена Московская

<https://litnet.com/shrt/PBM2>

Это фото.

Я смотрю на него, и что бы ни говорила себе — что всё прошло, что теперь я другая, что впереди новая глава — сердце всё равно сжимается. Потому что я прекрасно помню тот день. До мелочей.

Мы ехали домой от родителей Тимура, которые жили в соседней области. Казалось, что дорога тянулась бесконечно, а я весь путь чувствовала лёгкую тошноту.

Сначала списала всё на плотный обед. Мама Тимура приготовила свою фирменную рульку в специях, и я, дурочка, взяла добавку.

Потом подумала — укачало. Или просто устала. Но мутило стабильно, навязчиво. Лёгкое давление в груди, странная тяжесть в животе, какой-то непривычный привкус во рту.

А Тимур... он молчал. Но я чувствовала его взгляд. Периферийно, будто краем сознания. Хитрый, прищуренный, почти весёлый. Он будто что-то знал. И дожидался, когда я сама это пойму.

– Что, Лисёнок, вторая порция рульки не пошла? – спросил он нарочито невинно, когда мы зарулили на заправку.

Я лишь отмахнулась, прикрыв рот ладонью, подавляя очередной спазм. Желудок предательски скрутило.

Пока машина заправлялась, я тоже вышла размяться.

Прожаживалась у авто, дышала глубоко, массируя виски в попытке унять тошноту. Тимур ушёл в магазин, вернулся с кофе и... протянул мне маленькую прямоугольную коробочку.

Тест на беременность.

– На, – хмыкнул он, и его глаза сияли. – Иди, сделай.

– Что? Серьёзно? – я рассмеялась, но сердце внутри уже взвилось на какой-то глупой, опасной, радостной высоте. Предвкушение захлёстывало. – Думаешь, рулька... не виновата?

Муж лишь подмигнул, и его улыбка была до краёв наполнена предвкушением чуда.

– Думаю, у рульки не такая сильная харизма.

С тестом в руке я пошла в заправочный туалет, как будто в другую жизнь. В тесной кабинке дрожащими пальцами следовала инструкции, и мысленно молилась, чтобы... даже не знала, о чём молюсь. Чтобы всё изменилось? Чтобы он стал отцом? Чтобы я — мамой?

Тест не заставил себя ждать. Минута, а потом...

Две чёткие полосы.

Я смотрела на них и у меня в груди поднималась волна. Неопикуемой радости, смешанной с внезапным, липким страхом. И бесконечной надежды. Всё перемешалось в один ком.

Держала эту палочку, эту маленькую пластиковую полоску, как святыню, как ключ к новому измерению. А потом

спрятала её обратно в коробку и пошла к машине, пытаясь подавить волнение и тахикардию.

Вышла к Тиму с нарочно постным лицом. Дышала ровно, пытаясь унять бешеный стук сердца. Села в салон, захлопнула дверь, отрезая себя от внешнего мира, чтобы насладиться этим моментом вдвоём.

– Ну? – спросил он, заводя двигатель, но не глядя на меня. В его голосе звучала скрытая тревога, граничащая с нетерпением. – Всё-таки рулька?

Я повернулась, уставилась на него, и с самым спокойным голосом, на какой была способна, произнесла:

– Я беременна.

Он замер. Рука на руле сжалась до побелевших костяшек, взгляд оторвался от дороги и нашёл мой. И в нём... не было страха. Не было сомнения. Только что-то глубокое. Настоящее. Невероятно светлое.

– Серьёзно? – выдохнул Тим с надеждой.

Я кивнула. Он резко потянул меня к себе и поцеловал. Поцелуй был долгим, полным нежности и безумного счастья.

Мы были как мешком пришибленные по голове от счастья. Оглушённые, потерявшие счёт времени и пространству. Так ждали этого. Так хотели. Каждый его взгляд, каждый вздох, каждый удар моего сердца отзывался в нём, как эхо. Мы были едины в этом моменте, в этой радости, которая казалась такой непоколебимой.

Всю дорогу до дома посматривали друг на друга украдкой,

будто кто-то из нас мог случайно забыть, что теперь мы не просто влюблённые. Теперь мы — семья. Внутри меня росла жизнь. Наш ребёнок.

И вдруг — поле.

Самое обычное, придорожное, но такое красивое, как будто нарисованное. Бескрайнее, залитое солнцем, и всё в ромашках. словно сцена из фильма, где вот сейчас прозвучит скрипка, и героиня расплачется от переполняющих чувств.

Я ткнула Тимура в плечо:

– Останови. Пожалуйста.

Он не стал спорить. Просто свернул с трассы, припарковался. Я выскочила первой, как ребёнок, и побежала по высокой траве.

Сердце колотилось, ноги путались, а я всё равно шла вперёд, в самую глубь ромашек, где запах был сильнее, где не слышно было машин, где весь мир сжимался до этого мгновения чистого счастья.

Наклонялась, срывала цветы — и думала: «Вот оно. Вот это счастье. Такое простое, дикое, настоящее. Не отпускай его, Алиса. Не потеряй».

Стояла посреди поля, сплетала венок. Руки немного дрожали, но от радости. Ромашки вились между пальцев, как будто сами знали, что им суждено лечь на мою голову. Надев его, почувствовала себя... женщиной. Мамой.

И тут голос Тимура сзади, тёплый, хрипловатый:

– Ты такая красивая, Лиса... Дай я тебя сфотографирую.

Потом покажем малому. Расскажем, как мы узнали, что он у нас будет.

Я обернулась через плечо. Чуть в полоборота. Провела рукой по цветам и улыбнулась. Игриво, почти по-детски, как будто это не момент жизни, а наша маленькая, невинная тайна, запечатленная навечно.

Щёлк.

Вот оно, это фото.

Поле ромашек.

Я — в белом сарафане, в венке, со счастливым светом в глазах.

Фото, которое тогда казалось началом новой главы. Теперь лежит в сообщении от незнакомой женщины, как осколок прошлого, который вот-вот порежет мне душу.

Я смотрю на это фото и теперь уже знаю точно — этот дом принадлежит Тимуру. Просто не может быть иначе. Никакая случайность не могла привести к этому.

Никакая Ксения, никакая посторонняя женщина не могла бы случайно оказаться обладательницей этой фотографии.

Это наше — интимное, трепетное, уязвимое. Сделанное в поле ромашек в день, когда я узнала, что внутри меня растёт наш ребёнок. И теперь — оно вдруг всплывает вот так, буднично, в «техническом задании» для росписи спальни.

Спальни, чёрт побери!

И что теперь? Он будет лежать там с Настей? С Ксенией? С Глашей, Милашей, Лилией — не важно. И смотреть на

меня? На ту, в венке, беременную, с улыбкой? На ту, которая верила ему безоговорочно?

Как ему вообще будет засыпать под этим взглядом? Как он дышит, зная, что эта картина, заказанная им, воскрешает мою самую глубокую рану?

Какая-то извращённая, театральная фантазия. Как будто это не заказ, а показательная казнь. Наглая, хладнокровная издёвка.

Вот, Алиса, нарисуй.

Вспомни, как ты была счастлива. Как светились от любви. А потом вспомни, как ты потеряла всё. Меня. Себя. Его.

Вот тебе кисти. Вот тебе гонорар. И вытащи себе душу, нарисуй мне на потеху.

Теперь я в этом уверена абсолютно. Этот заказ — не совпадение.

Это Тимур.

Он знал, что я приду. Знал, что возьмусь за работу.

И теперь, как будто... наслаждается. Тем, что я буду заново оживлять на стене самый светлый и самый страшный день своей жизни.

«Раскрась, Лиса. Сделай красиво. А я буду смотреть».

И в этой мысли — что-то невыносимо болезненное. Как будто меня раздели до гола и вывели на сцену, под аплодисменты прошлого, которое не отпускает.

Я чувствую, как внутри поднимается волна. Глухая. Чёрная. Смешанная с тоской и ненавистью. Мне хочется разбить

этот телефон, разорвать контракт, сжечь этот дом вместе с его обитателями. Но я просто сижу, сжимая в руке телефон, и смотрю на своё счастливое лицо, которое теперь кажется чужим.

Дорогие читатели, в нашем мобе еще много сложных и эмоциональных историй. Вот одна из них!

"Вернуть жену. Дай мне шанс"

Ася Петрова , Селин Саади

<https://litnet.com/shrt/PWyw>

Из мыслей меня вырывает резкий, вибрирующий звук.

Экран мигает знакомым именем — Мама.

Я тут же принимаю вызов, даже не задумываясь. Сейчас её голос это единственный, что имеет значение.

– Алло? Мамуль, привет.

Стараюсь, чтобы мой голос звучал как можно бодрее, будто ничего необычно в моей жизни не произошло.

– Алисонька... ты как? – голос у мамы тихий, едва слышимый, словно каждый звук даётся ей с огромным трудом.

Даже через динамик он звучит ослабшим, будто ей тяжело дышать. Я чувствую её боль, её слабость, и это невыносимо сжимает мне сердце.

Глотаю волну эмоций, которая вот-вот захлестнёт, и натягиваю улыбку, которую она, конечно, не увидит, но, возможно, почувствует в моей интонации.

– Всё хорошо. Правда. Я только что вышла с заказа. Представляешь, получилось, – делаю акцент на этих словах, чтобы она почувствовала облегчение, чтобы хоть на миг забыла о своей болезни. – И... я уже оплатила операцию. Всё в силе. Скоро всё будет хорошо, ты только держись. Тебе нужно набраться сил. Это главное.

На том конце провода наступает оглушающая тишина. А потом сдавленный всхлип, который пронзает меня насквозь.

Этот звук — самый болезненный из всех, что я когда-либо слышала.

— Алиса... не надо было, — её голос ломается. — Тебе же самой нелегко сейчас. Я... я бы что-нибудь придумала... Сама как-нибудь. Дом бы продала...

— Мам, — мягко перебиваю, чувствуя, как ком подступает к горлу, а глаза предательски щиплет. — Это не обсуждается. Не смей даже думать об этом. Подвернулся хороший заказ, и я справилась. Всё под контролем. Ты же знаешь, я справлюсь. Всегда справлялась и сейчас справлюсь. Главное, чтобы ты поправилась.

Она плачет. Я слышу, как её дыхание сбивается, как она пытается сдержать рыдания и всё равно не может. Эти звуки разрывают мне сердце, выворачивая его наизнанку.

— Прости меня, доченька... Прости. Лучше дочери — не бывает. Ты столько на себе тянешь... Мне так стыдно...

Её слова, полные вины, ранят сильнее, чем любые обвинения. Я знаю, как ей тяжело, как она винит себя за свою болезнь, за то, что я вынуждена разрываться на части, чтобы ей помочь.

Закрываю глаза, пытаюсь сдержать свои собственные слёзы, чтобы не заплакать вместе с ней. Это не стыд, мама. Это любовь.

Моя безграничная, всепоглощающая любовь к тебе. И боль от того, что я не могу просто быть рядом, не могу просто обнять её, пока она плачет, и взять всю её боль на себя.

Я зажмуриваюсь. Ком в горле поднимается выше, душит, не давая говорить.

– Мам, хватит, пожалуйста. – я стараюсь придать тону уверенности, чтобы она почувствовала мою решимость. – Это нормально. Любая бы поступила так же ради своей мамы. На твоём месте ты бы сделала для меня в сто раз больше, я знаю. Я не герой, я просто люблю тебя. Это всё, что тебе нужно знать.

Пауза. Она всхлипывает, но постепенно успокаивается. Словно моя уверенность, мой категорический отказ от её вины, передались ей через километры, дав ей точку опоры.

– И я тебя очень люблю, доченька. Спасибо тебе... за всё.

– Отдыхай, ладно? Не волнуйся ни о чём. На выходных заеду. Мы поговорим обо всём, хорошо?

– Буду очень ждать, доченька. Очень-очень.

Связь прерывается. Я смотрю на погасший экран, и в груди — боль и тепло вперемешку, как две стороны одной медали. Стыд мамы, её беспомощность, её любовь, и моя безграничная решимость вытащить её из этой болезни, чего бы это ни стоило.

Плевать на Тимура. Плевать на эту картину, которую мне предстоит нарисовать. Сейчас есть только мама. И моя обязанность.

Решил меня сломать? Решил снова загнать в угол, напомнить, где мне больно, вывернуть душу наизнанку? Наивный идиот.

Не выйдет.

Я нарисую. Сделаю идеально. Так, как ты хочешь. Сделаю так, что твоя новая пассия будет томно вздыхать, глядя на мою улыбку на стене, на мою безмятежную счастливую улыбку из прошлого.

Ты хочешь воспоминание — получи.

Хочешь поле ромашек? Сарафан, венок, взгляд в полоборота? Да хоть мой портрет на всю стену — подавись. Я буду смотреть на тебя из каждого угла, напоминать о твоём «счастье», о твоём выборе.

Главное — чтобы ты заплатил. Каждую грёбаную копейку. И чтобы мама была жива. И я не раскисну. Не дам себе этой роскоши — плакать, вспоминать, ломаться. Подумаешь, бывший заказ сделал. Мелочь жизни.

Да, сердце щемит. Да, руки дрожат. Да, на этом фото — я до того, как ты выжег меня изнутри дотла. До того, как я превратилась в ту, кто считает каждую копейку, чтобы спасти мать. В ту, что готова продать часть своей души за её жизнь.

Но если ты думаешь, что этим фото ты меня унизишь, что заставишь бледнеть, краснеть, блеять и отказаться от работы... То ты просто плохо меня знал.

Теперь — узнаешь.

Я справлюсь. Я нарисую, пусть даже зубы будут стиснуты, пока работаю, до боли в челюсти. Пусть в голове и крутится тысяча мыслей, как бы не нарисовать случайно фаллический символ вместо ромашек. Пусть каждый мазок будет пропи-

тан моей болью и ненавистью, что копилась годами.

Но нет. Я даже с этим справлюсь. Потому что на кону — не ты и не та память, которую ты пытаешься осквернить.

На кону — жизнь моей матери.

А ради неё я сожру даже свою гордость, размажу по стене свою боль — и сделаю это красиво. До тошноты красиво.

Так, чтобы у тебя дыхание перехватило.

Но не от чувств, не от ностальгии.

А от того, как горько ты ошибся на мой счёт.

"Вернуть жену. Миссия (не)выполнима"

Таня Поляк

<https://litnet.com/shrt/P6En>

На следующее утро я приезжаю на объект во всеоружии. Никакой неуверенности. Ни капли дрожи в руках. Ни одной эмоции на лице – лишь стальная решимость.

Двери мне открывает Ксения. Опять идеально выглядящая, с безупречной укладкой и приветливой улыбкой. Только вот теперь меня не проведёшь. Я знаю, с кем эта мадам заодно. Знаю, в чьём она доме. И эта улыбка кажется мне такой же фальшивой, как и всё вокруг.

– Доброе утро, Алиса, – говорит она, открывая дверь шире и пропуская меня внутрь. Её голос мягкий, почти медовый, но я не покупаюсь на эту показную любезность.

– Доброе, – бросаю скупое, даже не пытаюсь изобразить улыбку. Сразу перехожу к делу: – Я пересчитала стоимость услуг. Цифра выросла. Значительно. Все поправки внесены в договор, вот. – Протягиваю ей папку, глядя прямо в глаза. – Ознакомьтесь.

В моём голосе нет ни тени сомнения, никакой мягкости. «Моральную компенсацию никто не отменял», – думаю про себя. Пусть платит.

Ксения берёт документы, едва заметно хмурится, но быстро возвращает себе невозмутимый вид.

– Цена для нас не проблема, – спешит заверить она, и её улыбка становится ещё шире, будто она пытается меня успо-

коить или, возможно, считает, что купила моё расположение.
— Мы ценим ваш профессионализм.

«Ещё бы», — мысленно фыркаю.

Я и не сомневалась. Если Тимур что-то задумал, то я могла бы и в три раза увеличить стоимость, он бы из принципа заплатил, только бы я выполнила эту "работу". Его гордыня не позволила бы ему отступить.

Интересно, а саму Ксению не смущает, что именно будет нарисовано? Она же прекрасно видела фото и меня. Или ей плевать?

Впрочем, это не мои проблемы.

— Хорошо, — киваю я, холодно и деловито. — Тогда я начну.

Она провожает меня в спальню. Здесь уже всё аккуратно подготовлено: мебель под чехлами, пол застелен, стены чистые. Работать можно. Даже воздух кажется стерильным — как в операционной, где нет места лишним эмоциям.

Я переодеваюсь в свой джинсовый комбинезон, натягиваю белую футболку, убираю волосы в высокий хвост. Всё это делаю механически, на автомате.

Негромко включаю музыку на телефоне. Что-то нейтральное, но достаточно ритмичное, чтобы заглушить мысли, чтобы заглушить голос в голове, который кричит о несправедливости.

Начинаю подготавливать пространство, раскладываю кисти, краски. Вся эта рутина помогает мне сосредоточиться, отключиться от наплывающих эмоций, превратиться в робо-

та, выполняющего задачу.

В этот момент я чувствую лёгкое движение за спиной. Оборачиваюсь. В дверном проёме стоит Ксения.

Она хочет что-то сказать. Это очевидно. И не решается.

Её идеальное выражение лица чуть искажено какой-то внутренней борьбой, проступившей на безупречной маске. Она переминается с ноги на ногу, то смотрит на меня, то на пустую стену, то на свои руки.

Я стараюсь её игнорировать, сосредоточиваясь на банке с грунтовкой, на тексте песни, на чём угодно, лишь бы не на ней.

Может, уйдёт. Но нет.

Не выдержав моего молчания и демонстративного равнодушия, Ксения тихо спрашивает, почти шёпотом, словно боится, что её кто-то услышит, что её слова разрушат хрупкий баланс между нами:

– Вы бывшая... Тимура, да?

Вопрос звучит неожиданно, хотя, если быть честной, я ждала чего-то подобного. Рано или поздно.

Медленно оборачиваюсь, встречаюсь с ней взглядом.

– Это имеет значение? – отвечаю холодно. – Я здесь, чтобы работать. Давайте оставим личное за дверью.

Ксения кивает. Но не уходит.

Продолжает стоять в дверях. Губы у нее поджаты.

Я возвращаюсь к своей подготовке. Делаю вид, что ничего не происходит. Но она всё ещё там.

Молчит. Секунду. Другую. А потом всё-таки выдыхает и тихо произносит:

– Просто... Тимур настоял, чтобы именно вы делали эту роспись. Я показывала других художников, предлагала свои варианты. А он сказал: "Хочу, чтобы это сделала она. Только она". И когда я вас увидела, то поняла почему...

Меня охватывает волна злости. Он даже не нашёл в себе смелости связаться со мной лично, обсудить всё, как взрослые люди. Просто бросил это через посредника, через эту женщину, которая теперь стоит здесь и разводит сопли.

– Послушайте, Ксения, – мой голос становится ледяным. – Мне абсолютно безразлично, что Тимур вам там рассказывал или не рассказывал. Я здесь не для того, чтобы слушать его биографию или ваши сантименты. Мне это не нужно. И

пить чаек, разговаривая по душам, мы с вами тоже не будем.

Я упираю руки в бока.

— Он хотел, чтобы рисовала я? Прекрасно. Я здесь. Я работаю. Я делаю то, что мне заказали. А если у него будут какие-то вопросы, или он захочет что-то «обсудить», то всегда может найти в себе смелость и позвонить мне лично. А не прятаться за вашей спиной и вот этими... посредническими рассказами.

Мой взгляд прожигает её насквозь.

— Так что давайте так: вы занимаетесь своими делами, а я — своими.

Ксения молчит, её лицо бледнеет. Она кивает, медленно, почти незаметно. Наконец, разворачивается и быстро выходит из спальни.

Я погружаюсь в процесс, позволяя ритму работы заглушить всё остальное. Время растворяется. Не замечаю, как проходят часы, пока звук хлопнувшей входной двери не вырывает меня из транса.

Кисть замирает в воздухе. Сердце делает резкий скачок, и я понимаю, что уже полдень. Обеденное время.

Но этот звук... он заставляет меня напрячься. Кто-то вошёл. И я, как бы ни хорохорилась перед собой, знаю, что не готова к тому, кто сейчас может появиться в дверях.

Шаги. Тяжёлые, уверенные. Не Ксения с её лёгкой поступью. Я стискиваю зубы, пытаюсь сосредоточиться на кисти, на стене, на чём угодно, лишь бы не обернуться.

До последнего надеюсь, что ошибаюсь. Может это курьер. Сантехник. Дядя Петя из ЖЭКа, да кто угодно. Только не он.

Ещё секунда — и Тимур входит.

В руках у него бумажный пакет из ресторана, пахнущий чем-то тёплым и аппетитным. Его внимательный, изучающий взгляд скользит по мне, словно он пытается прочесть каждую мою мысль.

Тёмные волосы чуть растрёпаны, рубашка небрежно расстёгнута на верхнюю пуговицу, но это не придает ему неряшливости, а наоборот, делает его очень стильным и мужественным.

Стою молча, сердце грохочет в груди, отдаваясь глухим стуком в ушах, но снаружи — ни дрожи, ни слова, ни единой выданной эмоции. Я — стена.

Он тоже молчит. В этом молчании больше эмоций, чем в любом объяснении, больше невысказанных претензий, чем в любом крике. Воздух между нами искрит от напряжения, словно перед грозой.

Я первая нарушаю эту удушающую паузу:

– Ксения позвала? Или сам решился? – В тоне моём сквозит неприкрытый сарказм

Тимур чуть качает головой.

– Нет. Обед тебе привез. Подумал, ты не ела.

Он произносит это просто. Буднично. Словно между нами нет войны, словно всё, что было, — просто досадная заминка, недоразумение, которое можно залить бульоном и заглу-

шить ароматом обеда на вынос. Его спокойствие бесит меня до зубовного скрежета.

Я усмехаюсь. Коротко. Сухо. Без веселья.

– Спасибо, но я не голодна.

Разворачиваюсь к стене, берусь за кисть. Рукам нужна работа, иначе они начнут дрожать, выдавая моё внутреннее смятение.

Тимур не уходит. Он стоит за моей спиной, его присутствие ощущается как тяжёлый груз, как невысказанная претензия, которая давит на виски.

– Алиса, – низкий голос, пронизывает воздух.

Я резко поворачиваюсь. В глазах огонь.

– Ты хоть понимаешь, в какое положение ты меня поставил? Что ты заставил меня чувствовать? Ты ведь даже не соизволил поговорить со мной лично. Не позвонил, не написал. Просто всучил Ксении заказ — и смылся. И что? Надеялся, что я молча проглочу эту подачку? Нарисую, улыбнусь и поблагодарю за возможность расковырять себе старую, незаживающую рану?

Его челюсти заметно напрягаются. Я не даю ему шанса вставить ни слова, продолжая свой монолог, который превращается в исповедь, полную боли.

– Знаешь, на что это похоже? – продолжаю, чувствуя, как в голосе поднимается ярость, как она кипит в моих венах, обжигая изнутри. – Как если бы ты заказал у бывшей памятник на могилу общего ребёнка, с подписью: «Было и про-

шло». Вот как это выглядит со стороны, Тимур. Грязно. Жестоко. Потому что из всех наших совместных фотографий ты выбрал именно эту. Где я счастливая, беременная, наивная, ещё не знающая, что всё сломается. Что мы потеряем всё... Что ты разрушишь всё.

Я делаю паузу, переводя дух, а затем почти шепчу:

– И ты хочешь, чтобы я нарисовала тебе это счастье. На стену. В спальню. Чтобы ты мог лежать здесь... с кем? С Настей? С Ксенией? С кем-то еще? И смотреть, как я улыбаюсь в ромашках, беременная нашим ребёнком, который никогда не родится...

Замираю, глядя ему прямо в глаза, чтобы он не смог увернуться от моего вопроса.

– Скажи, тебе самому не мерзко?

Тимур отвечает быстро, ровно:

– Нет. Это память.

– О чём? – голос почти срывается.

– О том, что я любил. О том, что у меня было всё и как я был счастлив. Я тоже всё потерял.

– Тогда тебе стоило беречь это, – выдыхаю я, и в моих словах — вся боль и горечь прошлых лет, все несбывшиеся мечты.

Он молчит. Мягко кивает. Соглашается. Не оправдывается. В его глазах мелькает что-то неуловимое, какая-то тень сожаления, но я не верю ей.

Конечно, я могу продолжить с ним диалог. Спросить, по-

чему именно я, ведь он мог нанять кого угодно. Почему именно сейчас, а не год назад? Но не хочу. У меня нет сил и желания на это. На все у него найдутся оправдания и свое мнение.

Разворачиваюсь к стене, полностью отворачиваясь от него, будто его и нет вовсе.

– Можешь оставить еду на столе. Я всё равно не поем, пока не закончу.

И больше не смотрю на него. Я снова в работе. Лучше не думать, не вникать, иначе можно сойти с ума...

"Вернуть жену. Цена ошибки"

Линда Мэй

<https://litnet.com/shrt/oa9v>

Тимур

Сижу в своём кабинете, смотрю на экран ноутбука и не вижу ничего.

Буквы, цифры, отчёты сливаются в бессмысленную массу. Потому что всё моё внимание сейчас там, за дверью.

Там, где она.

За два года это первый раз, когда Алиса оказалась так близко ко мне. Не где-то далеко, а здесь в моём доме, за стеной, всего в нескольких шагах. Стоит лишь встать и открыть дверь.

И чёрт возьми, как же этого хочется.

Подойти к ней, вот так просто, не спрашивая разрешения, не слушая возмущений, и обнять. Её, зубастую, колючую, независимую и такую болезненно желанную, до стука в висках, до напряжения в каждой клетке тела.

Пальцы предательски зудят — помнят, как это касаться её волос.

Шелковистых, чуть выующихся, с тонким ароматом ванили, от которого всегда мутнело сознание. Я слишком чётко помню, как это — провести большим пальцем по её нижней губе, мягкой, тёплой, чувственной, прижать её к себе, вдохнуть её запах и больше никогда не выпускать из рук.

Но я не идиот.

Точнее, больше не идиот.

В лучшем случае она просто залепит мне пощёчину и гордо хлопнет дверью. В худшем — сбежит и больше не даст даже такого шанса, этой хрупкой иллюзии близости, ради которой я и затеял всю эту ситуацию с росписью.

Я откидываюсь на спинку кресла, тяжело выдыхаю, разминая переносицу пальцами.

Нет, Колесников, это не просто «ситуация». И тем более не желание как-то ранить ее. Всё проще, и всё сложнее.

Это одержимость. Чистая, кристальная, без всякой надежды на избавление.

Так уж вышло, что я оказался однолюбом. Какой-то идиотский парадокс. Для меня была, есть и будет только одна женщина. Алиса.

И сколько бы ни прошло времени, сколько бы я ни пытался выжечь её из себя работой, сделками — ничего не меняется.

Вот такая нелепая ирония для матерого мужика, прошедшего через бизнес, переговоры на грани и тяжёлые сделки, от которых у любого другого нервы бы сдали ещё в первые годы карьеры.

Но моё главное поражение случилось не за столом переговоров, а тогда, когда я потерял её.

Потому что это Алиса развелась со мной, а не я с ней. Я был готов на все, чтобы удержать ее. Да хоть выжечь клеймо виноватого на себе, только бы она осталась. Но... она ушла.

Гордо, холодно, не оборачиваясь.

После развода я не исчез. Незримо, на расстоянии, всегда рядом.

Я слишком хорошо знал её гордость — эту упрямую, дикую гордость, из-за которой она ни разу, даже в самые тяжёлые моменты, не пришла ко мне за помощью. Никогда. Хотя я оставил ей все двери открытыми. Сказал прямо тогда, два года назад:

«Мы не чужие, Лиса. Что бы ни случилось — я всегда рядом».

И что?

Она даже это ржавое ведро на колёсах, эту «Хонду», которая скрипит на каждом повороте и, клянусь, развалится прямо на дороге, купила сама, на честно заработанные копейки, не взяв у меня ни рубля. Небезопасная, ненадёжная рухлядь.

Если бы я не переоформил на неё квартиру во время развода, сейчас бы она снимала какой-нибудь убогий угол на окраине, в районе, где я бы не разрешил даже своей собаке гулять. Что за гордость, граничащая с идиотизмом?

Но именно за это я её и любил. И люблю.

Даже с Натальей Васильевной, её матерью, когда нужны были деньги на лечение, Алиса испробовала всё. А ведь ей тогда так отчаянно были нужны деньги. Она работала днями и ночами, крутилась, исчерпала все возможные варианты — все, кроме одного. Ко мне не пришла. Из принцип

Я знал, что Алиса пойдёт на всё ради мамы. И тогда я ре-

шил, что пора. Что пришло моё время действовать.

Эта картина...

Я выбрал её не для того, чтобы сделать ей больно. Не для того, чтобы ткнуть её носом в прошлое.

Для меня это не о боли, как для неё. Это о том моменте, когда я был счастливым.

Алиса в ромашках, с этой её улыбкой, от которой у меня сердце замирало, с этим мягким светом в глазах, когда она смотрела на меня, как будто я — весь её мир.

Тогда всё было правильно: она, я, наш ребёнок, которого мы ждали. Это был мой пик, мой Эверест.

И я хотел эту картину на стене, чтобы каждый день напоминать себе, что такое счастье возможно. Что оно было. Что я знал, каково это — держать в руках всё, что имеет значение.

Я не думал, что для неё это будет как нож в сердце.

Для меня этот эскиз — не о том, что мы потеряли, а о том, что у нас было. О том, как она смеялась, когда я убирал лепестки ромашек из ее волос, как мы лежали на траве и спорили, кто у нас будет. Сын или дочка.

Я хотел сохранить этот момент, потому что он — единственное, что удерживает меня от того, чтобы окончательно не потерять надежду и веру в этой жизни. Где всё, чем я живу, — это сделки, деньги, пустота.

Но теперь я вижу, как она смотрит на меня, как её голос дрожит от ярости, и понимаю — я облажался.

Выбрал этот эскиз, потому что он мой, потому что он греет меня, но не подумал, что для неё это — открытая рана. Я жалею. Не о том, что хотел эту картину, а о том, что не учёл её боль.

Я, матерый бизнесмен, который просчитывает всё на десять шагов вперёд, не смог просчитать, как это ударит по ней. И это жжёт меня сильнее, чем её слова, чем её холод, чем её ненависть.

И я готов платить за каждый ее мазок краски нервами, самоуважением и этими бумажками из банка.

В конце концов, бизнес меня приучил, что за самые важные вещи всегда приходится платить втридорога. А Алиса — моя самая ценная, дорогая, почти бесценная потеря. И я готов платить.

Из мыслей меня вырывает стук в дверь. Резкий, отрезвляющий.

– Войдите, – говорю спокойно, откинувшись на спинку кресла.

Дверь открывается, на пороге Ксения. Лицо напряжённое, встревоженное.

"Вернуть жену после предательства"

Алена Московская

<https://litnet.com/shrt/7gB3>

Ксения мнётся на пороге, словно боится войти, будто чувствует, что сейчас мне абсолютно не до неё. В последнее время я всё чаще ловлю себя на мысли, что её присутствие начинает меня тяготить.

То, как она смотрит, как улыбается чуть дольше, чем надо, как иногда невзначай прикасается рукой к моему плечу. Я не слепой. И не идиот. Эти «случайности» слишком очевидны.

Мне нужна была помощница, человек, который снимет с меня бытовые заботы, пока я полностью погружён в работу. Но сейчас становится ясно, что Ксения видит свою роль иначе. Она хочет стать ближе. Намного ближе, чем я ей когда-либо обещал.

– Что-то срочное? – спрашиваю сухо, стараясь не демонстрировать раздражение.

Ксения делает шаг в кабинет, тихо прикрывая дверь.

– Тимур, – говорит мягко, виновато глядя мне в глаза. – Звонили из детского сада. У Богдана температура. Они... не смогли никому дозвониться. Набрали мне, как запасному контакту.

Я в удивлении смотрю на свой телефон, лежащий на столе. Точно. Сел. Полностью разряжен. Чёрт.

– Спасибо, – отвечаю коротко. – Сейчас его заберу.

Ксения медлит, не двигаясь с места, и я понимаю, что это

ещё не всё.

– Может... мне остаться на ночь? Мальчику нужна будет помощь, тебе одному будет тяжело...

Я почти готов согласиться, потому что это удобно. Потому что это легко.

Но. Дело в том, что мне не нужна её помощь в таком формате. Мне не нужна грелка в постели. А именно к этому она и стремится.

– Нет, – чеканю резко, но без злости. Чётко, как отрезаю. – Я сам справлюсь.

Ксения замирает, её губы чуть поджимаются, но она быстро берёт себя в руки, натягивает профессиональную улыбку. Я вижу, как она проглатывает разочарование, но мне плевать. Я не хочу её в своём доме дольше, чем нужно.

– Хорошо, но если что-то понадобится, я с радостью приеду, — тихо отвечает она и уходит, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я встаю, подхватываю с кресла пиджак, надеваю его,правляю воротник рубашки и выхожу из кабинета. Проходя по коридору мимо спальни, невольно замедляю шаг и бросаю взгляд внутрь комнаты, где работает Алиса.

Она стоит перед стеной, сосредоточенно и методично наносит разметку, даже не замечая, что я остановился в дверях.

Волосы её собраны в высокий хвост, несколько тонких прядей выбились, касаясь шеи, и я ловлю себя на мысли, что хотел бы откинуть их назад, скользнув пальцами по её коже.

Чувствую, как в горле пересыхает от этой мысли, но заставляю себя одёрнуть взгляд.

На столе стоит пакет с едой из ресторана. Нетронутый. Алиса к нему так и не прикоснулась.

Меня это раздражает сильнее, чем должно бы. Упрямая женщина. Специально морит себя голодом, лишь бы не принимать от меня даже такую малость, как обед.

– Вот же... характер, – тихо произношу себе под нос, отворачиваясь и направляясь к лестнице.

Пора ехать за сыном. Но в голове мысли только о ней.

Пусть Алиса ненавидит меня, презирает, кусается — это ничего не меняет. Её жизнь — это моя жизнь, и я всё равно сделаю так, чтобы однажды она это снова поняла.

"Вернуть жену офицера"

Анна Арно

<https://litnet.com/shrt/K7-p>

Алиса

На сегодня достаточно.

Я делаю пару шагов назад, окидываю взглядом стену. Разметка закончена. Всё идеально ровно, но внутри — ни капли облегчения. Только усталость и ком в груди, который не исчез, даже когда Тимур ушёл.

Я убираю кисти, тщательно промываю их в раковине, раскладываю по местам банки, тряпки, наждачки. Всё в чётком порядке, чтобы завтра утром не метаться в поисках.

Потом переодеваюсь. Снимаю рабочий комбинезон и надеваю свою повседневную одежду. Высокий хвост распадается, и я встряхиваю волосами. Наконец, я готова уходить.

Тимур уже уехал, и я этому бесконечно рада. Не придётся лишний раз объяснять, почему не ела. Почему не могла даже притронуться к этому чёртову пакету. Да он бы и не понял.

Я выхожу из дома, вдыхаю вечерний воздух. Он прохладный, с привкусом сосен. Отчего невольно улыбаюсь.

На выезде из коттеджного посёлка мою старую «ласточку» начинает трясти. Я пытаюсь дать газу, но машина глохнет.

Причём глохнет так неудачно, что я встаю прямо перед шлагбаумом на выезде. Поворачиваю ключ в замке зажигания снова и снова, мысленно молясь автомобильному богу, чтобы он не забирал к себе мою старушку. Это единствен-

ное, что у меня есть.

– Давай, милая. Только не сейчас, – выдыхаю сквозь зубы. Пустой щелчок. Потом ещё один. Мёртвая тишина.

Я уже готова выйти и толкать это ведро вручную, как кто-то стучит в окно со стороны водителя. Дёргаюсь от неожиданности, но вижу мужчину. Лет сорока на вид. Высокий, спортивный, одет просто, но аккуратно. Не охрана. Просто тот, кто оказался рядом.

Опускаю стекло.

– Помочь? – спрашивает он с лёгкой полуулыбкой.

– Машина заглохла. Не реагирует вообще, – объясняю торопливо. – Видимо, сегодня мой день.

– Откройте капот, посмотрим.

Я нажимаю рычажок под рулём. Он заглядывает, что-то щёлкает, шевелит, морщится.

– Ну, она, конечно, у вас... уникальная, – говорит с усмешкой. – Попробуйте теперь.

Поворачиваю ключ. И она заводится. Пыхтит, скрипит, но работает!

– Да! – я почти хлопаю в ладоши. – Вы волшебник! Спасибо вам огромное.

Мужчина смеётся, отряхивая руки.

– Не волшебник, просто понял: если не помогу, отсюда не выберусь, – кивает в сторону своего внедорожника, застрявшего за мной.

– Ой... – я смущённо прикусываю губу. – Простите. Прав-

да. Она раньше ещё как-то держалась. А сегодня вот решила сдохнуть на ровном месте.

– Вам бы её в сервис. Серьёзно. А то в следующий раз может заглохнуть на трассе, а не у шлагбаума. У меня, кстати, есть хороший мастер. Проверенный. Могу свести, если хотите.

– Давайте, – выдыхаю я, признавая поражение. Пожалуй, пора уже узнать, сколько стоит реанимация древнего динозавра.

Он достаёт телефон.

– Обменяемся номерами? Позвоню, как договорюсь с мастером.

– Конечно. Запишите: Алиса.

– Олег, – отвечает он, вводя контакт. – Хозяйка легендарной машины, приятно познакомиться. Ладно, езжайте, пока она не передумала, – шутит мужчина, отходя в сторону.

Я усмехаюсь, спешу в салон и медленно трогаюсь с места. Машина фыркает, как злая кошка, но слушается. Наконец-то я покидаю этот злосчастный поселок.

На следующий день я снова на своём рабочем месте. Закручиваю крышку банки с краской, вытираю руки о тряпку и не оборачиваясь говорю:

– Выходи уже.

Я два часа делала вид, что не замечаю Богдана. Его подглядываний из-за угла, шмыганий носом, еле слышных шагов — и то, как он периодически появлялся в дверном про-

ёме, будто случайно.

Но всё имеет предел.

Тимура дома не было, а Ксения, судя по всему, не слишком стремилась следить за ребёнком. Или просто надеялась, что он сам чем-нибудь себя займет.

Из-за угла медленно появляется понурый Богдан. Вид у него такой, будто я поймала его за чем-то постыдным. Глаза виноватые, плечи опущены, руки сцеплены за спиной.

– Ну и чего ты там прятался? – спрашиваю спокойно, но с лёгкой издёвкой.

– Я в сад сегодня не пошел. И папа сказал, нельзя тебе мешать. Вообще сюда не заходить и на глаза тебе не попадаться, – вздыхает он, глядя в пол.

– А ты папу не слушаешься? – приподнимаю бровь.

Богдан мнётся, шмыгает носом, переминается с ноги на ногу.

– Слушаюсь... Но просто... ну, интересно же.

– Ясно, – вздыхаю устало. – Только ты мне правда мешаешь, Богдан. Мне нужно сосредоточиться. А ты мне уже в спине дыру проделал.

– Я тихонько... Ну прям совсем! – оживляется он, с надеждой делая шаг ближе.

– Нет.

– Даже не шелохнись. Могу вон туда под кровать залезть. Меня видно не будет.

– Нет, – повторяю, твёрже.

Он сникает. Поджигает губы. Молчит, но видно, что крутит в голове какой-то новый план. А потом:

– Я думал... ты добрая. И разрешишь порисовать на стене. Не выдерживаю, фыркаю.

– Богдан, если ты на ней что-то нарисуешь, мне потом это перекрывать цветом — десять лет. Давай без художества, ладно?

Он ещё секунду стоит молча, а потом неожиданно выдает:

– А можно я возьму краску и порисую в своей комнате?

– Не знаю. Спроси у родителей. У папы или у мамы.

И тут его лицо меняется. В один миг. Всё: выражение, глаза, даже поза. Словно я ткнула пальцем в больное место.

– Мы с папой вдвоём живём, — шепчет он, еле слышно. — У мамы... у неё нельзя спросить.

Не дожидаясь моей реакции Богдан разворачивается и выбегает из комнаты.

Я остаюсь одна. С липким ощущением, будто вмазала пощечину щенку. И один-единственный вопрос гремит в голове: Неужели Настя бросила своего сына?

"Вернуть жену, когда уже поздно"

Ева Стоун

<https://litnet.com/shrt/vOXE>

Тимур

Возвращаюсь домой уже ближе к полуночи. Ворота открываются с тихим жужжанием, и фары выхватывают пустой двор. Алисы здесь давно нет.

Сегодня я её вообще не видел — и это бесит сильнее, чем если бы мы успели сцепиться. Я бы предпочёл любую реакцию — её крик, злость, даже ледяное презрение. Всё лучше этой пустоты, от которой внутри глухо.

В доме тихо. Только на кухне горит одинокий светильник, создавая интимный полумрак. Ксения сидит за столом с чашкой чая, задумчиво смотрит в окно. Услышав шаги, она поднимается, разглаживает ладонями юбку, улыбается — слишком старательно.

– Как день прошёл? – голос мягкий, будто хочет понравиться. – Я заказала ужин. Всё тёплое, только разогреть.

– Спасибо, – киваю коротко, открываю холодильник, достаю минералку.

Газ дерет горло, когда пью.

– Как Богдан?

– Я нашла няню, она завтра готова выйти, – отвечает она с гордостью. – У Богдана температуры больше не было. Только сопли, кашель, но... он с обеда в своей комнате. Не ест, не выходит.

Вскидываю брови. Потом хмурюсь.

– Он Алисе мешал? – вопрос тяжёлый, без вариантов для увиливания.

Я знаю, что для неё это чужой ребёнок. Понимаю, что ей и так тяжело быть здесь. Я бы предпочёл, чтобы Богдан вообще не пересекался с ней. Но дети... если им что-то запретить, они только быстрее туда полезут.

– Я... – Ксения виновато опускает глаза. – Была занята поиском няни, заказами. Не видела, что он делал... может, и приставал.

Я просто киваю. Слова не нужны. Всё и так ясно. Сажусь на стул, ставлю бутылку на стол. Минералка холодит ладонь, а в голове вертится только одно — как всё хреново запуталось. Какая пропасть между мной и Алисой. Это не просто расстояние — это целая бездна, заполненная болью, обидами и невысказанными претензиями.

Ксения подходит сбоку. Осторожно кладёт руки мне на плечи. Начинает массировать, мягко, будто проверяя границы дозволенного. Но ни она, ни ее внимание неинтересно. Прикосновения этой женщины чужие и ненужные, они вызывают лишь напряжение.

– Ты так много делаешь для всех, – шепчет она, и её голос меняется, в нём появляется липкая, интимная нотка. – Так устаёшь. Нужно же иногда расслабляться, а не только работать.

Я каменею. Дешёвый прием. Она хороша как исполнитель

и меня бесит, что придётся искать ей замену.

Резко встаю, ставлю бутылку на стол с таким грохотом, что она вздрагивает.

– Обязательно последую совету. А ты... на сегодня и завтра свободна. Дальше скажу, когда будешь нужна.

Она кивает растерянно, замирает посреди кухни, словно статуя. Я поднимаюсь к сыну.

Дверь приоткрыта. Я прохожу внутрь, и моя тень падает на кровать, где сидит Богдан. Под ночником-звёздным небом, будто в другом мире, он болтает ногами, шмыгает носом, смотрит мультики на планшете.

– Почему не ел и не спишь? – спрашиваю, проходя внутрь. С ним я разговариваю по-мужски, без сюсюканья. Он уже достаточно взрослый, чтобы понимать.

– Не хочу. Ксюша вечно невкусное заказывает, – бурчит он, поджимая губы. – Омлет из брокколи... бе.

Вздыхаю, сажусь рядом, на самый край кровати.

– Мешал Алисе?

– Да.

– А я что говорил? – прищуриваюсь, но без злости. Просто констатирую факт.

– Она злая.

– Почему это?

– Ничего не разрешает. И... она меня не любит.

Вот и как ему объяснить, что её холод и отстранённость не из-за него, а из-за меня. Что её боль — это моя вина, которую

я не могу искупить.

– Ну, все не обязаны тебя любить, – пожимаю плечами.

Он опускает глаза, и я вижу, как его нижняя губа начинает дрожать. И вдруг, тихо, но чётко, отчего у меня мурашки по коже:

– Я по маме скучаю.

Сжимаю челюсть.

– Давай съездим к ней? – улыбаюсь, хоть внутри всё протестует. Ему лучше видеть её реже. Но он ребёнок. И я не могу ему отказать в этом.

– Давай! – он вскидывается, и его глаза загораются надеждой.

– Значит, завтра едем к маме. Алисе дадим выходной. День проведём вместе.

– Угу, – кивает, потом, обняв меня, шепчет: – А там есть мясо. Жареное, на огне. Его бы я съел.

Качаю головой, усмехаясь. Подхватываю его на руки.

– Пойдём, мужик. Исполним мечту.

Мы идём на кухню. Проходя мимо спальни, взгляд сам тянется к стене. Щемит внутри.

Это мог бы быть наш с ней ребёнок. Это могла бы быть наша с ней жизнь. Мы могли бы сидеть втроём на кухне, греть стейк и кипятить молоко.

Но реальность такова: каждый из нас сидит в своём углу, и каждый по-своему несчастен. И это самое хреновое, что может быть.

Алиса

Вечером я устроилась на диване, поджав под себя ноги, будто пытаюсь стать меньше, спрятаться от всего мира.

На коленях тёплый плед, в руках кружка остывающего чая. Телевизор что-то бубнит — новости, сериал или реклама стирального порошка. Я даже не пытаюсь вникнуть. Картинка есть, смысла нет.

А внутри, в глубине груди, сидит и скребёт неприятный червяк. Совесть. За Богдана.

Я ведь обидела его. Не нарочно. Не со зла. Но... обидела.

И вроде бы логика тут железная: мне должно быть абсолютно всё равно. Я не его мама, не тётя, даже не подруга семьи. Я вообще временный человек в его жизни, с чётким функционалом — нарисовать картину, получить деньги и уйти.

Да и никто не предупреждал меня, что тема «мама» для него тяжелая и что в нее лучше не лезть. Это явно промах либо его папочки, либо Ксении, которые должны были сказать об этом прямо.

Но с другой стороны...

Я же не собиралась задевать ребёнка. Не хотела мстить ему за свою боль. Он-то при чём? Его никто не спрашивал, хочет ли он, чтобы в его жизни появилась чужая тётка, кото-

рая красит стены в его доме и шарахается от его присутствия.

Я пробую ухватиться за это рациональное чувство, но оно тут же тонет в злости на Тимура.

Ну это же надо так изводить меня даже после развода. Мало того, что когда-то вырвал у меня почву из-под ног, так теперь вылез с этой чёртовой картиной, приплёл сюда своего сына, а в довершение я ещё и выгляжу, как злобная ведьма, которая кошмарит ребёнка.

А он, весь в белом пальто, притащил еду, чтобы выглядеть благородно. Я чувствую, как гнев поднимается из живота к горлу, и понимаю, что не смогу уснуть, пока не успокоюсь.

Телефон пиликает, выдергивая меня из самокопания. Вздрагиваю, будто меня застали за чем-то постыдным, и тянусь за телефоном.

Сообщение от Тимура.

«Извини, что поздно. Завтра у тебя выходной. Меня не будет в городе по личным обстоятельствам».

Я читаю, и внутри поднимается волна едкого сарказма.

– «Личные обстоятельства», – передразниваю его в голос, закатывая глаза. – Ну-ну...

Конечно, «личные обстоятельства». Фыркаю, отбрасываю телефон на диван и тут же принимаю решение: поеду к маме. Все равно видеть их всех завтра нет никакого желания.

Мама сейчас в больнице. Ей на днях будут делать операцию, поэтому выходной сейчас как нельзя кстати.

На следующий день я приезжаю к маме с пакетом фруктов

и домашней едой.

Мама сидит на кровати, облокотившись на подушки. Она, как всегда, встречает меня улыбкой — такой, от которой на секунду забываешь, что через пару дней ей предстоит серьёзная операция.

– Вот и моя девочка, – мягко произносит она, слегка подаваясь вперёд. – Иди обниму.

Я присаживаюсь на край кровати, осторожно обнимаю, чувствуя её тёплые, но ослабевшие руки. Запах больницы, дезинфицирующих средств, смешанный с её родным запахом. Я стараюсь запомнить его.

– Мам, ты как? – спрашиваю с волнением, хотя знаю, что она скажет.

Она чуть качает головой, а после беспечно отмахнувшись, нарочито бодро произносит:

– Лучше всех. Что со мной будет?

Поджимаю губы и делаю вид, что поверила ей. Мы сидим на больничной койке, распивая чай из пластиковых стаканчиков, и я рассказываю маме про погоду, про то, что купила ей мягкий халат на послеоперационный период.

Она слушает, но я вижу, как она время от времени чуть прищуривается, будто пытается поймать что-то невидимое в моих словах. Она всегда была такой. Она видела меня насквозь.

– А ты где сейчас работаешь? – спрашивает она вдруг, делая вид, что вопрос обычный, но голос выдаёт осторожное

любопытство.

Я понимаю, что вот он, момент, когда придётся сказать. Лгать ей — значит потом вывернуться наизнанку от чувства вины. А говорить правду — значит увидеть в её глазах боль. Боль за меня.

– У... Тимура, – признаюсь, опуская взгляд на свои руки, перебирающие край платья. Слова даются с трудом, они вязкие, тяжёлые. – Он через фирму заказал роспись стены. Деньги хорошие. Да и я не знала, что это он, когда бралась за заказ.

Мама чуть морщится, но ничего не говорит, только ждёт продолжения, а я рассказываю. Про то, что именно он заказал нарисовать, про его сына Богдана и как случайно задела его вопросом про маму, как он обиделся и ушёл. И про то, как теперь внутри сидит липкое ощущение, что я поступила подло, хотя не хотела.

Она молчит какое-то время, потом произносит:

– Знаю, как тебе все это больно. И чувствую вину, что ты вообще туда пошла. Я бы лучше без этой операции осталась, чем смотреть, как ты мучаешься...

– Мам... – начинаю, но она поднимает ладонь.

– Нет, дай сказать. Ты взрослая, ты сама принимаешь решения. Но я знаю, что для тебя видеть каждый день Тимура, быть рядом, когда всё ещё ноет внутри... это испытание. Особенно, когда там ещё и его ребёнок под ногами бежит.

– Да, но я всё равно не хотела его обидеть. Просто... я

ведь не знала, — чувствую, как начинаю оправдываться.

— Вот и всё, — кивает она. — Знаешь, в жизни мы часто обижаем людей ненароком. Просто потому, что даже не знаем, где именно у них болит. Ты не в коем случае не чудовище, Алиса. Ты просто человек, который тоже имеет право на боль. Имеет права недолюбливать, не знать, не понимать всех. Тебя, кто понял? Кто учел твою боль? В этом доме никто не подумал, каково тебе рисовать эту картину, каково видеть некогда любимого мужа и его ребенка. Хорошо хоть Насти там нет, а то еще бы и она давала бы тебе советы под руку.

— Да уж... — я чуть усмехаюсь, и в этой усмешке вся моя горечь. — Понимаешь, мам, я же даже не хочу с этим мальчишкой сближаться. Он как живое напоминание о всём том, что я потеряла. Да и кем я ему стану? Проще сразу установить жёсткие границы. Пусть думает, что я плохая, лишний раз не прибежит и не станет со мной разговаривать. Не смогу я слушать про его жизнь, про маму, про папу и их счастливое семейство. Я просто не выдержу.

— Правильно. И не сближайся. Ты не обязана, да и кто может тебя заставить? — мягко перебивает мама. — Не надо искусственно тянуться к тем, с кем тебе не хочется общаться. Нужно быть честной. Тогда и тебе будет легче, да и мальчик не нарисует себе ненужных иллюзий. У него есть отец, он же не круглый сирота. Да и с мамой может быть всё не так плохо, как тебе показалось. Да даже если там случилось что-то

ужасное, точно не ты в этом виновата, доченька.

Мама берёт мою руку, чуть сжимает, и её тёплое, родное прикосновение согревает самую душу.

– Знаешь, тебе скорее всего не понравится то, что я скажу. Но если откинуть, что Тимур мой бывший зять и сделал моей дочери больно, то он меня приятно удивил. То как он сейчас живёт многое говорит о нём, как о человеке. И если откинуть обиды, то гораздо лучше, что парнишку он не бросил. Мужчины часто не хотят возиться с детьми от прошлых отношений. Женщины это оправдывают: "Он не платит алименты, зато у нас всё в семье остается". Думают — молодец. Но это не молодец. Это плохой человек. И если жизнь с таким треснет, всё это вернётся к тебе. Он заведёт нового ребёнка, а твой станет для него обузой.

Слушаю ее смотря в одну точку.

– Женщины свято верят, что с ними он станет другим. Не станет. Пил — будет пить. Бил — будет бить. Изменял — изменит. Бросил без денег — бросит снова. Это не "та бывшая" была плохая, а он с тобой — особенный. Это показатели человека. Меняются они крайне редко.

Она отпускает мою руку, чуть вздыхает.

– Но в одном Тимур молодец. Он не бросил мальчишку. Не отказался. Несёт ответственность за свои поступки. И, как бы тебе это ни было неприятно, в этом он поступает правильно. Да, тебе бы было бы проще. Если бы он жил в этом доме один. Но где был бы его сын? Бросил бы он его, тебе бы

стало от этого легче? Изменило бы это что-то между вами? Нет. Хотя пусть как отец будет нормальным, если уж как муж оказался... Ну ты сама знаешь.

Я медленно киваю, понимая, что мам права.

– Согласна. Хотя и... больно это признавать.

– Вот и прими это. И отпусти. Богдан не твой враг, и ты не его. Уважай его пространство, будь честной. Этого достаточно, чтобы твоя совесть была чиста. Доделаешь свою работу и забудешь их.

От её слов у меня в груди становится легче. Как будто всё это время я несла лишний груз, и кто-то его тихо снял.

Покидаю больницу совершенно в другом настроении. И когда я уже еду домой, звонит Олег.

– Алиса, привет, – произносит он бодро. – Мой механик готов принять тебя сегодня в шесть. Удобно?

– Удобно, – отвечаю без колебаний.

Я хватаюсь за любую возможность заняться чем-то, что не связано с Тимуром и его домом.

И вот уже через пару часов я сворачиваю на маленькую улочку к автосервису.

Сервис явно оказался не из дешёвых. Это ощущалось с первого взгляда. Стекланный фасад с аккуратным, как ювелирная работа, подсвеченным логотипом буквально кричал о статусе.

Ровный ряд машин вдоль боксов выглядел как подборка из глянцевого автомобильного журнала: свежие модели, отполированные до блеска, некоторые — с наклейками дилерских салонов, явно приехавшие сюда с новенькими владельцами.

Даже запах здесь был другой. Не густая, масляная, въевшаяся в стены смесь бензина, пыли и пережаренного масла, к которой я привыкла в своих «дворовых» мастерских, а что-то свежее, с лёгким химическим оттенком, от которого всплывала в памяти реклама дорогих полиролей и шампуней для авто.

Всё чисто, стерильно, и, если бы не подъемники и инструменты, я бы могла подумать, что зашла в шоу-рум, а не в автосервис.

Олег ждёт у входа, облокотившись о свой блестящий внедорожник. Он выглядит здесь так же органично, как эти машины в боксе — уверенный, спокойный, будто всё в мире под контролем.

– Ну что, пригнала свою ласточку? – мужчина встречает

меня с мягкой улыбкой, в которой нет ни намёка на снисходительность.

— Ага, — киваю, стараясь не выдать, что сама удивлена этой реакции.

Странно приятно, когда кто-то встречает тебя именно так. Без лишних вопросов, просто готовый помочь и взять часть забот на себя.

Олег открывает передо мной дверь, слегка кивая — мол, проходи.

Внутри тепло и светло, но не из-за простых ламп дневного света, а благодаря продуманному, мягкому освещению. В воздухе едва уловимый запах кофе. Лёгкая, ненавязчивая музыка заполняет пространство, заглушая механический шум из боксов. На огромных плазмах вдоль стен транслируется работа механиков — как хирургическая операционная, только для машин.

В углу — стол с кофемашиной, стопкой белых керамических чашек и баночками со снеками. Вдоль стен — чёрные кожаные диваны, на которых можно утонуть, и небольшие стеклянные столики, заваленные журналами на автомобильную тематику.

Всё это настолько не похоже на места, где я обычно чинила машину, что внутри даже поднимается лёгкая неуверенность: моя «старушка» здесь будет смотреться чужеродно.

Из бокса выходит молодой, худощавый парень в фирменном комбинезоне. Он чистый, опрятный, с улыбкой, в кото-

рой нет усталости от бесконечных клиентов.

– Это Дима, – представляет Олег. – Механик от бога.

Дима улыбается так, как улыбаются врачи, когда впервые видят пациента и ещё не знают, как сообщить диагноз.

Его внимательный взгляд скользит по моей машине. Он очень осторожен в своих эмоциях и словах, словно боится, что резким высказыванием может обидеть не только меня, но и моё старое, уставшее, но верное авто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.